

— Слушай! Она разве никогда не воспринимала уроки всерьез?! — возмутился Ницше, глядя на Гермину, мучающуюся с заклинанием Левитации над листом бумаги. — Просто сосредоточься... Ладно, не знаю, что у тебя не так, — огрызнулся он, не в силах больше наблюдать за ее попытками. Гермину огляделась, убедившись, что миссис Пинс, библиотекарьша, не подошла. Затем она вытащила палочку, прокашлялась и несколько раз прошептала заклинание, пока не почувствовала уверенность в себе. — Вингардиум Левиоса! — произнесла она, вкладывая всю свою волю в слова. Бумага, точно такая же, как та, что была вырвана из ее тетради, оставалась неподвижной. Гермину снова взмахнула палочкой, не сдаваясь. На этот раз бумага дрогнула, подпрыгнув на пару сантиметров от стола, словно лягушка. — Может, я неправильно произношу заклинание... Но ведь я не учила Латынь, как же я могу знать, правильно ли я ставлю ударение? — задумалась она, нахмурившись. — Попробуй еще несколько раз, — посоветовал Ницше, вздыхая. — Не думай о заклинании, думай о воле! Гермину не зря нервничала. Профессор Флитвик говорил на уроке, что неправильное произношение может превратить заклинание Левитации в заклинание вызова быка. С одной стороны, ее беспокойство было оправданным, с другой — оно подтверждало взгляд профессора Квиррелла на магловских волшебников, и Гермину казалась идеальным подтверждением этой теории. — Правда? — Это не урок латыни! И ты не ошибаешься в произношении... Хотя у тебя есть небольшой акцент, это не имеет значения! Сначала ты должна быть уверена в себе! — Наверное, это всё из-за акцента... — Ты не уверена! — Ницше задумался и медленно произнес: — Нельзя думать о том, чтобы попробовать. Нет... нет такого понятия, как попытка. Либо ты можешь, либо нет, так же, как тебе нужно есть четыре раза в день. — Три раза в день. — Я еще считаю и ночные перекусы. Хотя слова Ницше были резковаты, в них была правда. Сила человека, возможно, именно в способности привыкать к определенным условиям, что было очень заметно в Гермине. Ей нужно было привыкнуть к мышлению волшебника, чтобы добиться успеха с заклинанием. На четырнадцатой попытке, с помощью настойчивых слов Ницше, Гермину с раздражением произнесла заклинание, направленное на коричневую бумагу. Она чувствовала, что, если попытается приложить больше силы, палочка может проткнуть бумагу. Но случилось нечто неожиданное, что заставило Гермину засомневаться — она увидела, как коричневая бумага плавно взлетела в воздух, изгибаясь. — Нет, заклинание не может быть неправильным... — прошептала она, с недоумением глядя на бумагу. Внезапно Гермину почувствовала, что книга в ее руках уже не пахнет так приятно, как прежде, и недовольно сказала: — Стандартные заклинания могут добавлять к объекту или существу только определенные состояния, они не могут их трансформировать! Ницше знал, откуда этот отрывок — из начала «Стандартные заклинания: начальный уровень». Он с замороженным видом смотрел на сложенную коричневую бумагу, а потом, через несколько минут, с радостью вытащил из кармана карандаш и начал рисовать в своей тетради, записывая что-то. — Скажи мне, как ты это сделала! Ты преуспела, Гермину! Прекрасно! — А ты что сделал? Разве ты не говорил мне? — Я не об этом... — Ницше танцевал от радости, словно увидел радугу ночью. — Что ты чувствовала, когда использовала заклинание? Быстро! Гермину никогда не думала о своих чувствах в такой перспективе, и ей было трудно описать свои мысли. — Просто... очень раздражало, ведь ты все время говорил, что я делаю что-то не так. Но этого было недостаточно для Ницше. Он посмотрел на записи в своей тетради о влиянии эмоций на эффекты, поднял голову и впился взглядом в шоколадные глаза Гермину. Да! Он раздражал Гермину! — Так что ты чувствовала, когда заставила ее взлететь? Девушка покраснела, долго колебалась, не в состоянии сформулировать предложение, но под пристальным расспросом Ницше, она сдалась. — Не спрашивай! Что ты думаешь? Я просто хотела засунуть ее тебе в рот... прямо сейчас! Бумага была смята в твердый комок, и Гермину, сгибаясь в запястье, направила кончик палочки в сторону Ницше, бросив бумажный шар ему в лицо. Только тогда Ницше всё понял. — Я понял... Гермину! Ты просто гений! — он распахнул руки и обнял девушку, бормоча: — Вот оно, значит, нужно использовать эмоции для связи, для ассоциации, и тогда всё получится... Гермину не понимала. Ницше с трудом обучил ее заклинанию левитации, а

теперь внезапно благодарил ее? Щеки горели, дыхание участилось. Неожиданный способ благодарности застал Гермину врасплох, она не могла мыслить. Ей оставалось только ждать. — Ох, почему он такой? — прошептала она. Пять секунд спустя Ницше, охваченный удовлетворением, подскочил и побежал к выходу из библиотеки. — Тишина и никакого бега! — раздался грозный голос миссис Пинс, нисколько не замедлив победный бег Ницше. Что только что произошло? Гермину задумчиво перебирала в голове слова Ницше. Он сказал, что она гений... Неужели она сделала что-то невероятное?*****Глава 26. Квиррелл прокладывает новый путь**Сегодня идеальный день для отдыха. Квиррелл, с непокрытой головой, глядел на закат, положил учебник и собирался привести в порядок свои засушенные цветы в стеклянной витрине, как вдруг дверь его кабинета распахнулась. — Профессор! Профессор! — Подожди... Хорошо, — Квиррелл поспешно поднялся с пола, высунув только голову, натянуто улыбаясь. Он присел, развернулся и почти одновременно натянул головной платок, движения были отточенными, так что Ницше лишь увидел голову профессора, вынырнувшую из-за стола словно сурок. Удивительно, студенты по субботам заглядывают к профессору... — Ницше, я... Я сегодня хотел отдохнуть... — Я преуспел... Нет, кто-то преуспел! — Ницше не стал отнимать славу у Гермину. — Моя подруга заставила лист бумаги летать и даже сложить его! Услышав эту новость, глаза Квиррелла заблестели, он медленно поднял указательный палец к губам. — Тише, у меня... у меня болит голова. Он беззвучно прошёл по ковру, подошел к Ницше и взял его тетрадь, похожую на картину призрака. Честно говоря, он хотел, чтобы Ницше какое-то время попрактиковался в каллиграфии. — Невероятно, это огромный скачок в стандартных заклинаниях, — пробормотал профессор Квиррелл. — Можешь рассказать, как твоей подруге это удалось? Но, может быть, подруга Ницше талантливее его самого? Судя по успеху её эксперимента, это возможно. Равенкловец? — он невольно подумал о том факультете, где сам когда-то учился. — Под влиянием непредсказуемой переменной — «эмоций» — мысли, выраженные волшебниками через подсознание, могут напрямую влиять на эффект заклинания. Возможно, заклинание левитации может сделать больше, чем просто поднять предметы. — Но я плохо понимаю эмоции... Тем не менее, Квиррелл слушал с большим интересом. Хотя Ницше сказал, что успех эксперимента был полностью случайным, если среди множества экспериментов был хотя бы один успешный, это доказывало его осуществимость. Теперь нужно было тщательно проанализировать все данные, как это делал Ницше, и повысить вероятность успеха. — Не волнуйся, у каждого свой... опыт. В твоём возрасте я мог интуитивно получать внешние раздражители, но это не всегда... хорошо. — Ты очень умен, тебе удалось быстро разложить по полочкам логическую связь между магией, эмоциями и сознанием. — Правда? — Ницше с сомнением поджал губы. — На самом деле, мой отец и мой дядя всегда говорили, что я глупый. Хотя он заикался, нельзя было отрицать, что, если внимательно слушать профессора Квиррелла, становится ясно, что он действительно хороший учитель. Просто звучит он немного... напряженно. Вся внимательность Квиррелла была сосредоточена на последних записях, и он мог лишь косвенно утешить Ницше, убеждая его не спешить с эмоциями. Но о своих студенческих годах он молчал. — Когда ты достигнешь определенного момента, ты сможешь непосредственно чувствовать раздражители извне, а проявление этих раздражителей — это и есть твои эмоции... страх, ненависть, зависть... они все хорошие учителя. — А разве нельзя выбрать положительные эмоции? — Ницше кривил губы. — Любовь? Забота? — Квиррелл пару раз хихикнул. — Хотя я не... не презираю... но на самом деле... немногие могут... по-настоящему понять, что они гораздо менее выгодны, чем негативные эмоции... Чтобы полюбить что-то, нужно заплатить цену в несколько лет, а то и в несколько десятилетий. А для ненависти может хватить мгновения. Квиррелл задумался. Он ничего не помнил из того, что оставило бы неизгладимый след, он не знал любви и не чувствовал, чтобы его любили. Если и было что-то стоящее запоминания, так это Ницше, который отличался от других слизеринцев. Этот первокурсник выражал любовь ко всему, чему Квиррелл мог только позавидовать. — Кстати, профессор, у вас есть какие-нибудь хорошие заклинания защиты от темных искусств? — Нельзя жевать слишком много, — ответил Квиррелл, разворачиваясь к

книжной полке. Ницше откашлялся, слегка смущаясь. Он замялся на секунду, прежде чем сказать: — Нет, нет, нет, я просто хочу изучить некоторые приемы самообороны. Я собираюсь дуэлиться. Слово «дуэль»... словно рыболовный крючок, зацепило глубокую память. В этот момент профессор, повернувшись спиной, внезапно съёжился. Когда Ницше повернулся к нему лицом, он увидел, что профессор Квиррелл дрожит всем телом, словно вспомнил какое-то ужасное травматическое событие. — Может быть, тебе следует... пойти ... к декану Флитвику? — Но вы же профессор по защите от темных искусств! — Ницше не хотел видеть морду Снейпа. — Но я... Но я не могу! Нет! — Квиррелл сглотнул и натянуто улыбнулся. — У меня не очень хорошо получается... У меня не получается. Точнее сказать, это директор Дамблдор настоял, чтобы я стал профессором. Ясно, что этот профессор пережил травматичный удар, который привел к крайней неполноценности. Он был профессором магловедения, а теперь боится того предмета, который преподает, и у него отсутствует уверенность в себе, что заставило Ницше нахмуриться. Он ненавидел такие травмы, которые могли радикально изменить характер человека. Квиринус Квиррелл, выпускник Равенкло, должен был быть креативным, а не таким посредственным, каким он стал сейчас. Поэтому Ницше, как и говорит древесина палочки, — честный. Он посмотрел на дрожащего и отказывающегося профессора и искренне сказал: — Но мне казалось, что вы лучше, чем Снейп, эта старая ведьма, ведь именно вы помогли мне найти прорыв в заклинаниях. — Это был я... но я лишь дал тебе некоторые советы... — Снейп даже советов не дает. — Ницше закатил глаза. Честность — самый большой убийца. Квиррелл задумался, сколько правды и сколько фальши было в его помощи Ницше? Боюсь, он сам не может этого различить. — Профессор! Мы обязательно сделаем новые прорывы в стандартных заклинаниях в будущем. В волшебном мире не так просто получить несколько наград... Что еще может беспокоить вас...? — Мы? — Квиррелл подумал, что ошибся. Он даже нежно сдвинул с глаз головной платок и открыл ушные мочки. — Хотя я слизеринец, я не так эгоистичен. Да, он увидел прототип новой магии, даже магии, идеально подходящей для палочки. Что касается будущей медали Рыцаря Мерлина, это вопрос времени. Может, не все так плохо? Хотя он не знал, что произошло с Квирреллом, Ницше был уверен, что в студенческие годы он обязательно хорошо понимал заклинания, иначе бы он не был так знаком с разными переменными магии. — С кем ты будешь дуэлиться? — С Малфоем из Слизерина, тем, кто... хм... часто смеётся над вами на уроках. — Значит, это... Малфой, — Квиррелл склонил голову и запомнил его. — Не удивительно... Я слышал, что его отец — ... один из директоров Хогвартса. — Не беспокойся, такие как они, последние, кто может спокойно мечтать с немного яда время от времени. — Ницше презирал таких людей больше всего. — Он — хвостун, и ему есть на кого опираться, только на директоров. Малфой не свойственны авантюры и креативность. Он находит какую-то радость в других днях, повторяет это ночью и ищет еще большую радость, и никогда не устает от этого. Именно потому что они не видят гнев Ницше, они не находят в нем радость, поэтому так злятся. Но Гермiona — другая, и теперь Квиррелл, естественно, половину сердца Ницше. У них обоих бесконечные возможности, поэтому он изо всех сил пытался изменить робкий вид Квиррелла. Красный свет вечера проникал в его кабинет из далекого леса. Квиррелл просто опустил в кресло, а Ницше тихо ждал окончательного ответа. — На второй... второй полке сверху, четырнадцатая книга слева направо содержит некоторые контрзаклинания, которые я записал в юности. — Сказал он вдруг. — Считаю это моей благодарностью за твой подарок. Подарок, который Ницше ему подарил, — естественно, тетрадь, в которой был прототип новой магии. Книга была высоко, и Ницше быстро нашёл её с помощью подвижной деревянной лестницы рядом с полкой. Кожаный переплёт был грубым, напоминал наждачную бумагу. Спасибо, Квиррелл! ~ Перед уходом Ницше отправил ему искренние пожелания... хотя это было то, что он хотел.